

Э. ГИДДЕНС,
ПРОФЕССОР (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА*

Анализируются новые социальные классы, появившиеся в постиндустриальном обществе, основным качеством которого мыслится «беспорядочная пластичность». Приводится авторское видение изменений, порожденных феноменом повседневной демократизации. Обосновывается важность упразднения социального исключения и фасилитации социальной сплоченности.

Some new social classes appeared in the post-industrial society with the main feature thought of as erratic fluidity are given analysis to. The changes brought forth by everyday democracy are scrutinized by the author. The significance of abolishing social exclusion and facilitating social cohesion are given grounds for.

Лиссабонская программа обращает внимание на важность изменений в экономике, произошедших за последнее столетие. Век назад около 40 % трудоспособного населения в индустриально развитых странах были заняты в производстве или смежных областях, в некоторых государствах более 10 % работали в сельском хозяйстве. В Европейском Союзе аналогичные показатели сегодня существенно отличаются – 16 и 2–3 % соответственно. Более 80 % работающих заняты в сферах знаниевых технологий или услуг. Такое соотношение обуславливает необходимость изменений в инвестиционной и экономической политике. Положение не было бы столь критичным, если бы значительные изменения не затронули все общество в аспекте необходимости нивелирования социального неравенства и фасилитации социальной защиты. Программой устойчивого развития Европейского Союза предусмотрена «модернизация и развитие Европейской социальной модели (ЕСМ) и продвижение социальной сплоченности»¹.

Изложенное является основанием для следующих закономерных вопросов: почему в современных программах не *проанализированы* изменения в классовой структуре общества, не изучены распространение неравенства и новый порядок разделения труда? Отмечу, что этот пункт в программе необоснованно числится последним, если вообще числится. Какие *конкретные* рекомендации предусмотрены к исполнению в рамках Лиссабонской стратегии в сфере социальной справедливости и реформирования меха-

* Перевод с английского Е.В. Михайлик.

низма распределения благ и рисков в европейских странах? Ответы, изложенные в программе, немногочисленны, если есть вообще. Упомянута модернизация ЕСМ путем усовершенствования коллективных действий и через единые шансы для всех. Но как? В программе все сводится к обеспечению принципа «достойной работы» как «глобальной объективности на всех уровнях», повышению адаптированности рабочих.

Социальная защита граждан – одна из наиболее актуальных и злободневных тем в контексте изменений, проявившихся с наступлением новой глобальной эры. Наш социум, а вместе с ним и повседневность людей, изменяется так же кардинально, как и экономический порядок. Мы – исследователи-эксперты и обыватели – обязаны идентифицировать подобные изменения и продумать грамотную политику существования в новых условиях. Нет смысла сотрясать воздух пустыми заявлениями о том, что «необходимо нивелировать социальную разобщенность» и маргинализацию общества. Недостаток развитого анализа изменяющихся форм социальной справедливости – одна из главных причин, почему Лиссабонскую программу столь сложно реализовать. Таким образом, в данной статье я постараюсь обозначить решение указанных проблем. Для начала считаю необходимым пересмотреть стратификационную систему, концентрируя внимание на бедных и неимущих. Образцы неравенства современного социума отличаются от тех, что были несколько десятилетий назад. Обозначенные паттерны стали явлением, которое имеет важнейшие социально-экономические и политические последствия. Основным качеством современных обществ стоит назвать «беспорядочную пластичность» (erratic fluidity). Жизненные изменения значительно менее предсказуемы, чем раньше, а их положительные либо отрицательные последствия зачастую латентны.

Новые классы

Классовая структура и демаркационные линии между классами современного общества знаниево- и сервисно-фундированной экономики существенно отличаются от обществ индустриального уклада, когда рабочий класс «синих воротничков» количественно превалировал в социально-классовой структуре. К. Маркс признавал за рабочим классом статус «универсального» и закреплял за ним функцию агента революционных изменений. На сегодняшний день количество представителей рабочего класса постоянно уменьшается по мере механизации производства. Таким образом, прежний рабочий класс, ассоциируемый с цельной социальной общностью, обладающий мощным потенциалом изменения истории, качественно и количественно преобразовался. Класс, именуемый средним, дифференцировался, в то время как высший класс землевладельцев практически исчез, став атавизмом новой социальной архитектуры общества. Отдельные «аграрные» классы также претерпели изменения или исчезли совсем.

Новая социальная структура сформировалась благодаря распространению принципов знаниевой и сервисно-ориентированной экономики. Две трети рабочих мест, сформированных в контексте новой экономики, требуют технических знаний, осведомленности в сфере IT-технологий и др. За период с 1995 по 2004 г. в Европейском Союзе доля вакантных рабочих мест, требующих знания IT-технологий, возросла с 20 до 24 %. Сферу занятости людей, связанных с парком высоких технологий, целесообразно именовать «Apple Mac» (производное от названия фирмы «Apple» – лидера производства IT-продуктов) в противовес «Big Mac» (производное от «Mc Donalds» – лидера индустрии фастфуда), представляющую сферу обслуживания: кафе, магазины, супермаркеты либо бензозаправки. Доля занятых в данной сфере несколько меньше, чем в сфере высоких технологий, но также остается весьма существенной.

Классовая структура постиндустриального общества представлена на рисунке. Отметим, что изображенная схема достаточно условна в силу спе-

цифики каждого отдельного общества на современном этапе. Так, приведенные процентные показатели – лишь приближенные ориентиры. Описанная модель классовой структуры акцентирует внимание на индивидах, а не на домохозяйствах, членами которых они состоят. Верхняя группа представляет собой элиту, чья власть носит более межнациональный, чем национально-локализованный характер, особенно в европейских «глобальных городах», где может быть достаточно много иммигрантов.

Как минимум, 50 % рабочих мест в знаниево- и сервисно-ориентированной экономике требуют высокого уровня познавательных и персональных умений для выполнения работы, например, «жестянщиков» (wired workers), которые работают с компьютером большую часть дня, но не являются IT-специалистами. Каждая категория из представленных классов включает людей, которые трудятся как в государственном секторе, так и в частном. Независимо от этого наибольшая безопасность работы свойственна первым трем категориям.

Одной из характерных черт новой экономики следует назвать высокую представленность женщин на различного рода должностях, за исключением работы, связанной с применением мускульной физической силы человека. Так, женщин мало в классе работников «Big Mac»-сферы и среди программистов-«жестянщиков» (wired workers). Также женщины чаще мужчин работают с условием неполной занятости: около 7 % мужчин Европы работают неполный рабочий день, в то время как женщин, занятых на аналогичных условиях, 30 %. Зарботная плата женщин на 1 % ниже, чем зарботная плата мужчин, выполняющих аналогичную работу.

Описанные далее факты называют важные тенденции в обозначенной сфере: «гендерный разрыв» (gender gap) в оплате труда поступательно нивелируется. Более того, по факту проведения огромного количества исследований доказано, что женщины способны работать лучше и эффективнее мужчин. Роль женщин в обеспечении материального благополучия семьи возрастает, в частности, в Дании в обозначенном аспекте наметился паритет мужской и женской гендерных ролей: женщины зарабатывают 42 % семейного бюджета, в то время как в Испании и Италии этот показатель составляет 27 %.

Изменение классовой структуры общества отразилось на природе политики относительно обеспечения равенства возможностей. В старом типе общества политика была сформирована относительно разделения рабо-

тающего класса и остальных. При этом ориентиром партии тори был рабочий класс, а остальные партии вызывали симпатию и приверженность другого электората. Сегодня ситуация изменилась: наиболее влиятельные партии ставят своей целью заручиться поддержкой наибольшего количества представителей различных классов, стараясь удовлетворить их потребности. Сам рабочий класс существенно дифференцирован относительно специфики навыков, которыми характеризуется деятельность каждого конкретного работника. Так, рабочие, занятые в индустрии, значительно более востребованы, чем клерки. В этой связи следует отметить, что многие мужчины не считают для себя возможным делать «женскую работу», которой преимущественно считается сфера услуг.

Для обозначения ситуации, сложившейся в низших слоях социальной стратификации, целесообразно обратиться к популярному сегодня термину – *социальное исключение* (social exclusion), отражающему ситуацию, когда не только бедность может оградить индивида или группу от возможности полноценно включаться в общественные процессы. В связи с упоминанием термина «социальное исключение» обратимся к теории французского исследователя Р. Ленора, в понимании которого «исключенные» – группа людей, составляющая от 7 до 12 % населения современных стран, среди которых преобладают не только и не столько бедные слои, но и люди с ограниченными возможностями, ментально больные, пожилые и престарелые, наркоманы, иные страдающие зависимостями и др.² Отметим, что введение подобного термина очень важно, так как акцентирует внимание на факте, что не только экономическая депривация (economic deprivation) способна исключить возможность для человека реализовать свой потенциал.

В настоящий момент стало привычным говорить о том, что европейское общество базируется на пропорции 50/40/10: 50 % людей имеют стабильную работу, у 40 % ненадежное место работы, а 10 % – социально исключенные люди (пропорция имеет свою корректировку в каждой конкретной стране). Иными словами, некий андеркласс (underclass) заместил рабочий класс (working class) либо его низшие слои. Подобное заявление некорректно³. Многие социологи солидарны в том, что в Европейском Союзе нет так называемого единого андеркласса, тогда как в Соединенных Штатах такая терминологическая инновация вполне уместна. В Великобритании был создан специальный исследовательский центр по изучению проблем социального исключения – групп людей, представители которых не работают и не учатся; имеют низкий совокупный доход (менее 60 % среднедушевого дохода); обладают небольшим количеством социальных связей; живут преимущественно в неблагополучных районах, характеризующихся повышенной рискогенностью, криминалом, вандализмом и др. Ученые пришли к выводу, что в Великобритании только 1 % населения воплощает обозначенный класс по всем четырем критериям. Интересно, что людей, попадающих в данную группу, скорее можно охарактеризовать не по принадлежности к одному классу, а по принципу территориальной близости: обычно исключенные живут рядом.

Новое социальное расслоение общества

Классовое расслоение в постиндустриальном обществе детерминировано различием в жизненных шансах. Эти изменения достаточно серьезны. В большинстве стран люди разных социальных групп серьезно отличаются друг от друга. Стиль жизни представителей различных классов характеризуется определенными особенностями, но они продиктованы скорее спецификой индивидуального вкуса и обычаями, чем финансовыми обстоятельствами. Мобильность, включая заграничные поездки, доступна практически каждому. У людей, в отличие от традиционного общества, появилась возможность выбора стиля жизни или, как я это называю, проявился феномен *повседневной демократизации*, которая может простирается как

«вверх», так и «вниз» относительно жизненного курса. В эпоху Интернета пересматривается содержание категории «детство» в силу повсеместной распространенности интернет-технологий, к которым дети не равнодушны. В свою очередь пожилые люди, благодаря тем же обстоятельствам, имеют возможность экспериментировать, что было немыслимо до сих пор.

Распространение повседневной демократии, однако, не гарантирует безопасность или чувство безопасности. Более того, у людей зачастую проявляются завышенные ожидания, ввиду чего наступает фрустрация осознания сложности их реализации. Это формирует новый моральный климат постиндустриального общества, когда одновременно существуют рациональные страхи, обусловленные спецификой социально-экономической ситуации (боязнь потерять работу, к примеру), и необоснованные страхи (распространяемые слухи и др.). Таким образом, позитив расширенных возможностей и широкого выбора траекторий стиля жизни соприкасается с негативом отсутствия безопасности и уверенности в стабильности этих благ.

Необходимо выделить отдельно так называемый креативный класс (creative class), включающий занятых в индустрии творчества, рекламы, продвижения, работающих в сфере IT-технологий, финансов и банкинга. Р. Флорида отмечает, что сегодня «креативный класс» – это около 20 % занятого населения. В моей классификации данный класс представлен в группах 2 и 3 (см. рисунок). Представители «креативного класса» крайне разнообразны в плане их происхождения и социально-демографических характеристик: это могут быть люди любого возраста, этнической принадлежности и сексуальной ориентации⁴. В целях изучить распространенность данного класса в США Флорида вводит понятие «индекс креатива», базирующееся на следующих факторах: доля представителей обозначенного класса среди работающего населения, доля занятых в IT-индустрии, инновационность, выражающаяся как количество патентов на душу населения, степень «разнообразия» «креативного класса». В итоге получилось, что некоторые города (например, Сан-Франциско, Сан-Диего) по всем четырем показателям занимают крайне высокие позиции, что свидетельствует о широкой распространенности данного класса.

Отметим, что регионы, где ярко выражен «креативный класс», характеризуются *правилом «3-х Т»* – талант, технологии, толерантность (talent, technology and tolerance). Почти все они *космополитичны*. Представители такого класса крайне мобильны и склонны свободно перемещаться из региона в регион в зависимости от того, как им нравится жить и что им диктует их стиль жизни. Они предпочитают активный отдых и динамичный темп жизни, а также стиль городской субкультуры – кафе, рестораны, галереи и театры.

Подводя итоги проделанному анализу, сделаем следующие выводы:

1. Изменение классовой структуры современного постиндустриального общества обуславливает большее разнообразие классов и стилей жизни, но не гарантирует чувство безопасности ни для одного социального класса.

2. Риск и его обратная сторона – возможность распределяются в соответствии с иными, нежели несколько десятилетий назад, принципами. Риски и возможности не просто «срастаются» с людьми, которые более рефлексивны и планомерны в осмыслении своей жизнедеятельности в настоящем и будущем; традиции утрачивают свое повсеместное влияние, оцениваются более критично. Таким образом, риски теперь распространяются с позиции рационализации их исходов.

3. Интенсификация технологических преобразований, способствующая новому «глобальному» разделению труда, создает новые страхи для занятых. Молодые малоквалифицированные работники, а также люди постарше, чье прежнее рабочее место было ликвидировано в силу механизации или других обстоятельств, длительное время могут оставаться без работы.

4. В среднем пожилые люди обладают возможностью больше зарабатывать, чем в прошлом, в сравнении с молодыми людьми. Тем не менее пожилые одинокие женщины представляют собой наиболее уязвимый класс населения.

5. «Big Mac»-сфера, связанная с оказанием услуг, дает наименьший шанс для карьеры. Это объясняет факт повышенной текучести кадров в обозначенной сфере, когда в последней работают либо студенты (в кафе на каникулах), либо люди с низким уровнем квалификации, для которых это хороший старт в жизни.

6. В обществе, где провозглашается ценность знаний, дипломы и сертификаты становятся основными «билетами» социальной мобильности.

7. Этнические меньшинства более уязвимы в случае, если обладают недостаточной квалификацией. В остальных случаях максимально нивелирована возможность зависимости характера работы и этнической принадлежности человека. Сложности бывают в ситуациях, когда традиционная религия нации налагает определенные запреты или ограничения. Так, в восточных странах, где роль женщины сводится к домашней роли, у них могут быть дополнительные проблемы с трудоустройством и работой.

8. В последние десятилетия наметилась тенденция, символизирующая паритет возможностей материального обеспечения современной семьи как со стороны женщины, так и со стороны мужчины. Естественным остается факт, что карьера женщины прерывается в связи с необходимостью заводить ребенка и воспитывать его.

9. Межпоколенная мобильность сменяется структурной. В процессе жизни среднестатистический человек часто меняет работу, дополнительно обучается, квалифицируется и совершенствуется.

10. Социальное исключение как феномен постиндустриального общества отражает «специфику» распределения общественных классов в пропорции 50/40/10.

¹ Communication from the Commission. Brussels, 2005.

² См.: Lenoir R. Les exclus: un français sur dix. Paris, 1974.

³ См.: Goldthorpe J., McKnight A. The Economic Basis of Social Class. London, 2004.

⁴ См.: Florida R. The Rise of Creative Class. New York, 2002.

Поступила в редакцию 19.03.10.